

СВЯЗЬ ЯЗЫКА И РЕЛИГИИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Проблема соотношения языка и религии возникает в современной науке по тем же причинам, что и проблема соотношения языка и культуры, языка и сознания. Прежде всего дискуссионным остается определение критериев, по которым мы можем сопоставлять и сравнивать эти два явления.

Можно найти несколько таких критериев: формальный (язык и религия соотносятся лишь постольку, поскольку язык обслуживает религиозную сферу); сущностный, в котором можно выделить: *логико-философский* (язык как инструмент и свод правил «языковой игры» для религии); *богословский* и *религиозно-философский* (в результате действия религии слово обретает сущностное, энергичное начало).

Формальный подход характерен для современной социолингвистики и религиоведения. Религия рассматривается в качестве одной из частей культуры, хотя она и имеет некоторые особенности. При таком подходе важным оказывается тот факт, что содержание религии полностью определяется конфессиональными текстами, т.е. реализацией языка в речи. Тогда оказывается возможным исследовать сами эти тексты (прочитывая через языковое значение особенности религиозного восприятия), историю их переводов (и трансплантации религии и соответствующей им культуры на другую почву) и т.п. (реализацию такого подхода см., например, в книге [Мечковская Н. Б. 1998.]).

Впервые вопрос о статусе языка и религии действительно остро поставил Л. Витгенштейн. В своём раннем «Трактате» и поздних «Философских исследованиях» [Витгенштейн Л. 1994.] он с логико-философских позиций придал языку существенную функцию – функцию игры и, в то же время, функцию регулятора игры, т.е. установителя правил. Здесь проявилась идея о множественности инструкций, которыми мы пользуемся. Концепция Витгенштейна сыграла большую роль как в философии религии, так и в богословии (особенно современной западной теологии). Так как все явления жизни могут быть описаны как «языковая игра», то и религия, по Витгенштейну, это также «языковая игра». То есть языку в этом случае приписывалась функция выше религиозной, а именно свойство создавать религию, устанавливая определенные обязательные для всех правила. [Томпсон М. 2001, с. 93–99]. Действительно, с первых дней появления этой концепции разгорелись споры между теологами и философами. Споры эти не утихают до сих

пор. Так, например, в 1995 г. в Принстонской теологической семинарии появилась статья, вновь поднимающая вопрос о том, есть ли религия языковая игра [Sommerville C. J. 1995, p. 594–599.]. Эта статья – реакция на работу продолжателя идей Л. Витгенштейна Дж. Линдбека [Lindbeck George A. 1984], который рассматривает религию как процесс коммуникации, что еще раз подтверждает концепцию «языковой игры». Действительно, религия – это и есть первичная форма коммуникации между Творцом и человеком (лат. religare – ‘связывать’). Однако стоит ли придавать языку функцию установителя правил? Дж. Соммервилль показывает абсурдность абсолютизации такого подхода: знание языка теологии и правил употребления этого языка не делает человека участником религиозной коммуникации с Богом, т.е. имеется какая-то грань, где правила языковой игры перестают действовать. В то же время идея «языковой игры» по отношению к религии не совсем безосновательна, как отмечает проф. Соммервилль: она дает возможность вновь представить религию функционально, а в языке обнаружить способность служить коммуникации.

Однако идея действенности слова появляется не в философии, а в православном богословии, перерастая в крайних своих проявлениях в ересь «имяславия», и в русской религиозной философии. Например, в работе о. Сергия Булгакова «Философия имени» говорится о том, что «если справедливо, что слова имеют известную силу, присущую им самим по себе, даже безотносительно к говорящему, приходится заключить, что произнесение слов, так сказать, освобождение энергии их, вовсе не есть индифферентная вещь. ... Сказанное о силе слова, присущей ему как символу космической сущности, приводит нас к вопросу о его боговдохновенности» [Булгаков С.Н. 1999, с. 227–229]. Здесь, как мы видим, совсем иной подход: не от языка к религии, а наоборот, от боговдохновенности (т.е. воздействия Бога в результате коммуникации, т.е. религии) к сущностному наполнению слова, языка.

Об энергетике знака (и слова) пишет современный исследователь В.Р. Рокитянский [Рокитянский В.Р. 2005]. Сопоставляя энергетическое воздействие физических тел и воздействие слова, автор предполагает, что в случае знака «энергетическое обеспечение результата происходит за счет внутренних ресурсов организма реципиента» [Рокитянский В.Р. с. 109], т.е. слово (или другой знак) несет в себе качественное наполнение (можно назвать ее сущностью), вызывающее определенную реакцию.

Нам представляется, что может быть разработан еще один критерий промежуточный между описанными выше, – *лингвокультурологический*. В русской языковой картине мира, формировавшейся под влиянием православия, может быть выделена с богословских позиций особая область, в которой концентрируется сущностная сторона слова. Заметим, что эта область начала появляться с принятием православия, не перекрыв область мифологического в языке (этот аспект сейчас активно изучается; см., например, работ

[Кошарная С.А. 2002]). Но каким образом при исследовании русской языковой картины мира может быть выявлена связь языка и религии?

Для русской языковой картины мира характерно не только наличие специфической религиозной лексики, но и функционирование некоторых концептов, в структуре которых выделяется религиозный компонент. При этом религиозный компонент может быть выражен в лексическом значении слова (тогда концепт будет осознаваться как религиозный в большей или меньшей степени – «грех», «святость», «искушение», «смирение», «утешение» и др.) или имплицитно присутствовать, проявляясь только при функционировании (например, «искренность»). Для установления религиозного компонента концепта необходимо не ограничиваться религиозным дискурсом, а анализировать функционирование концепта в языке. Не имея возможности дать в рамках статьи полный анализ функционирования концепта, ограничимся рассмотрением одного примера из современной публицистики (контекст вне религиозного дискурса) – отрывок статьи Ю. Богомолова «Не виноваты мы»: *«А есть другое дело. Оно касается личной этики – в первую очередь тех, кто занимается публичной деятельностью. Испытания, соблазны – данность, наконец, стихия. Отменить их невозможно. Этого не смог сделать Господь Бог. Все, что нам остается, – так это их обуздывать»*. [«Известия», 2002.08.16]. Религиозный компонент концепта «искушение» представлен как имплицитно, так и эксплицитно. Имплицитное проявление выражено отнесением ситуации к этической (ценностной) сфере. Эксплицитное – апеллированием к религиозной сфере, приведением религиозного контекста, что вызвано употреблением слова «искушение».

Таким образом, многообразие подходов к решению вопроса о соотношении языка и религии объясняется различным пониманием религии (в том числе и в ее отношении к культуре и социуму). Слово как явление языка может стать центром исследования при всех подходах, но его роль будет изменяться. Действуя методами лингвокультурологии, исследователь обнаруживает особый религиозный компонент в структуре концепта, т. е. появляется еще одна возможность обнаружить связь языка и религии через исследование языковой картины мира.